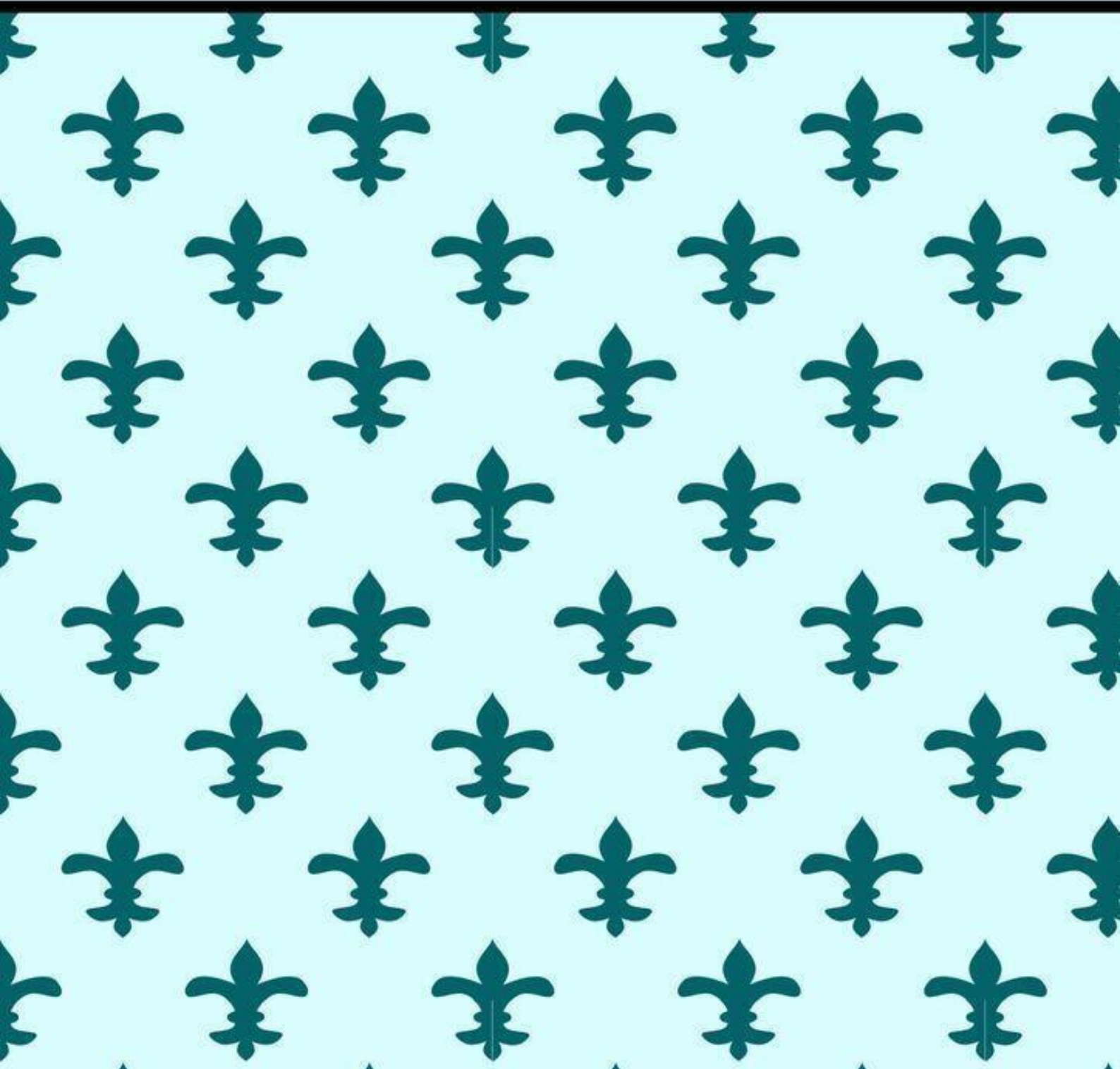

18+

ЮРИЙ ДРАЗДОВ

Некромант в белом халате. Арка 7

Юрий Драздов

Некромант в белом халате. Арка 7

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Некромант в белом халате. Арка 7 / Ю. Драздов — «Издательские решения»,

Когда-то он был хирургом. Теперь он — Некромант: палач, целитель и глава небольшой стаи выживших в мире, разрушенном корпорацией «Бионикой». Его цель — «Прометей», последний бастион врага, где хранятся секреты гибели человечества. Лев Мечников и его жена Лера стали «Ульем» — единым организмом, разделённым на два тела. Операция «Симбиоз» подарила им небывалую синхронизацию: они видят, слышат и чувствуют друг друга на клеточном уровне. Но за преимущество приходится платить.

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Двойной пульс	6
Глава 2: Осада «Мёртвого города»	22
— —	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Некромант в белом халате. Арка 7

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-0557-9 (т. 7)

ISBN 978-5-0070-0558-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Двойной пульс

Хирургия учит нас, что любое вмешательство имеет цену. Трансплантация сердца продлевает жизнь, но требует пожизненного приёма иммуносупрессоров. Имплантация нейростимулятора избавляет от тремора, но может нарушить мелкую моторику. За каждое преимущество организм платит: рубцами, отторжением, болью. Это аксиома, которую я принял задолго до того, как стал Некромантом, и которая ни разу не была опровергнута за все годы моей практики. Я знал цену каждого импланта, который вживлял себе и другим. Я рассчитывал риски с точностью, граничащей с паранойей. Я всегда был готов к осложнениям.

Я был готов к боли. К отторжению. К сбоям.

Я не был готов к тому, что почувствую чужую рану как свою.

Операция «Симбиоз» сделала нас единым организмом. Лера и я — два тела, одна сеть, одно сознание, распределённое между двумя физическими носителями. Улей. Так Система классифицировала то, чем мы стали. И первые часы после операции были наполнены эйфорией абсолютной синхронизации. Мы двигались как одно существо. Мы думали как один разум. Мы видели мир двумя парами глаз, слышали двумя парами ушей, чувствовали двумя наборами сенсоров. Это было совершенство. Абсолютное, пугающее совершенство.

Но совершенство — это не защита от ошибок. Это всего лишь новый уровень сложности, на котором ошибки становятся более... интимными.

Это случилось на четвёртый день нашего пути к «Прометею». Мы шли через сектор двенадцать-гамма — промышленную зону на окраине разрушенного города, где остовы заводов торчали из земли, как гнилые зубы. Солнце — бледное, размытое вечным смогом, — клонилось к закату, окрашивая руины в оттенки запёкшейся крови. Где-то вдалеке ревели мутанты — дневная переключка хищников постепенно сменялась ночной. Пульс бежал в авангарде, его три сердца бились в спокойном, разведывательном ритме. Майя и Аякс шли в тылу, прикрывая наши спины. А мы с Лерой — мы шли в центре, как единый организм, разделённый на два тела.

Я чувствовал каждый её шаг. Не метафорически — буквально. Модуль «Омега», встроенный в мою паразитическую сеть, получал сигналы от её модуля «Альфа» и транслировал их в мой мозг с задержкой в несколько миллисекунд. Я знал, когда её правая нога касается асфальта. Я знал, когда она переносит вес на левую. Я знал ритм её дыхания — двенадцать вдохов в минуту, ровных, спокойных, — так же отчётливо, как ритм собственного ихора в сосудах. И она знала обо мне то же самое. Наши сознания переплелись настолько тесно, что мы больше не были двумя людьми. Мы были одним существом, которое временно занимало два физических пространства.

Это было прекрасно. И это было ужасно. Потому что когда одно из тел получило рану, второе почувствовало её.

\- \ —

Мы остановились на привал в бывшем складском помещении — бетонной коробке без окон, с провалившейся крышей, сквозь которую виднелось темнеющее небо. Аякс развёл огонь

в жестяной бочке, используя обломки мебели и сухую грибницу, которую мы собрали по дороге. Дым, густой и едкий, поднимался к дыре в потолке, и в его свете лица моих людей казались вырезанными из старого дерева — грубыми, усталыми, но живыми.

Майя раздавала пайки — сублимированные концентраты, которые мы добыли в госпитале «Бионикой» несколько дней назад. Она двигалась экономно, по-солдатски: за месяцы в бункере бывшая медсестра превратилась в настоящего бойца. Я видел это через сеть: мышечный тонус повышен, реакция на внезапные звуки — мгновенная, рука всегда на рукояти оружия. Она адаптировалась. Мы все адаптировались. Или, возможно, просто сломались настолько, что перестали замечать разницу между адаптацией и поломкой.

Пульс лежал у входа, положив голову на лапы. Его жёлтые глаза, светящиеся некротическим огнём, сканировали периметр с настороженностью, которая вошла в привычку за месяцы боёв. Через паразитическую сеть я чувствовал его состояние: сытость, лёгкая усталость, отсутствие тревоги. Он не чувствовал опасности. Это было хорошо. Или, по крайней мере, должно было быть хорошо.

Лера сидела рядом со мной. Наши плечи соприкасались — не потому что мы нуждались в физическом контакте (хотя, возможно, и поэтому тоже), а потому что так было удобнее для синхронизации. Через прикосновение поток данных между модулями «Альфа» и «Омега» усиливался, и мы могли обмениваться не только мыслями, но и ощущениями. Я чувствовал тепло её тела — то самое тепло, которое насос Стрелка, пульсирующий в её груди, разносил по сосудам вместе с ихором. Она чувствовала холод моей кожи — тот самый холод, который был признаком функционирующей некротической сети.

Мы молчали. Не потому что нам нечего было сказать — напротив, сказать нужно было слишком многое. Но слова, которые мы использовали раньше, больше не подходили. «Я люблю тебя» стало бессмысленным, потому что не было отдельных «я» и «тебя», был только «мы». «Ты в порядке?» превратилось в риторический вопрос, потому что я всегда знал, в порядке ли она, а она всегда знала, в порядке ли я. Мы были как два сообщающихся сосуда: если один наполнялся болью, второй немедленно чувствовал это. Если один переполнялся радостью, второй испытывал её синхронно.

Это было то, чего мы хотели. То, ради чего пошли на операцию. То, что Система назвала «устранением уязвимости личности без её стирания».

Но Система ошиблась.

Уязвимость не была устранена. Она была удвоена.

\-\ —

Мы собирались выступить, когда это случилось.

Склад был зачищен — я лично проверил каждый угол через имплант-глаз. Никаких тепловых сигнатур, кроме наших. Никаких следов мутантов. Никаких признаков «Чистых» или патрулей «Бионикой». Мы использовали это место уже во второй раз, и оба раза оно было безопасным. Возможно, именно это нас и подвело — привычка к безопасности. Или, возможно, мы просто пропустили что-то. Что-то, что не излучало тепла. Что-то, что не дышало. Что-то,

что ждало, затаившись в щели между бетонными плитами, пока мы не подойдём достаточно близко.

Я не заметил атаки. Лера — тоже. Наши сенсоры, объединённые в общую сеть, должны были засечь любое движение в радиусе пятидесяти метров. Но эта тварь не двигалась. Она просто лежала в своей щели, сливаясь с бетоном, — симбиотический организм, который питался грибницей и не нуждался в движении, пока добыча не подходила вплотную. Позже я классифицировал её как «сталкера» — разновидность мутировавшей амфибии, которая впадала в анабиоз на дни и недели, ожидая, когда жертва сама наступит на неё.

Лера наступила.

Её правая нога опустилась на бетонную плиту — обычную, серую, ничем не примечательную. И в тот же миг плита взорвалась движением. Слизь, щупальца, когти — всё это вырвалось из щели и захлестнуло ногу Леры, как капкан. Коготь твари — острый, зазубренный, покрытый какой-то маслянистой субстанцией — рассёк её бедро. Не глубоко. Не опасно для жизни. Поверхностная рана, как сказал бы любой хирург. Шесть сантиметров в длину, два в глубину. Задета подкожная клетчатка, не задеты крупные сосуды. Крови было немного — насос Стрелка быстро купировал кровотечение, сузив сосуды в зоне повреждения.

Но я закричал.

Не от страха. Не от неожиданности. От боли.

Моё левое бедро — моё собственное, здоровое, неповреждённое бедро — взорвалось ощущением. словно кто-то полоснул по нему раскалённым скальпелем. Я почувствовал, как кожа расходится под невидимым лезвием, как мышцы сокращаются в спазме, как ихор — мой собственный ихор, а не Лерин — приливает к несуществующей ране, пытаюсь начать регенерацию. Боль была абсолютно реальной. Я мог указать точное место, где коготь твари рассёк плоть Леры, — потому что это место горело огнём на моём собственном бедре.

Я пошатнулся и схватился за стену. Моя правая рука, которая дрожала всегда, а после операции стала дрожать ещё сильнее, сжалась в кулак. Перед глазами на мгновение потемнело — не от боли, а от шока. Система зафиксировала скачок нервной активности, и перед моим внутренним взором вспыхнуло сообщение:

ВНИМАНИЕ: ПОВРЕЖДЕНИЕ НОСИТЕЛЯ «ЛЕРА». ТИП: РВАНАЯ РАНА ЛЕВОГО БЕДРА. ГЛУБИНА: 2 СМ. ДЛИНА: 6 СМ. КРОВОПОТЕРЯ: МИНИМАЛЬНАЯ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНО: ТРАНСЛЯЦИЯ БОЛЕВОГО СИНДРОНА НА ПАРНЫЙ МОДУЛЬ «ОМЕГА». НОСИТЕЛЬ «ЛЕВ МЕЧНИКОВ» ИСПЫТЫВАЕТ ФАНТОМНУЮ БОЛЬ, ИДЕНТИЧНУЮ РЕАЛЬНОЙ. ПРИЧИНА: ПОЛНАЯ СЕНСОРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ МОДУЛЕЙ «АЛЬФА» И «ОМЕГА».

РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕМЕДЛЕННО УСТРАНИТЬ ИСТОЧНИК ПОВРЕЖДЕНИЯ. БОЛЕВОЙ СИНДРОМ БУДЕТ СОХРАНЯТЬСЯ ДО ПОЛНОГО ЗАЖИВЛЕНИЯ РАНЫ НОСИТЕЛЯ «ЛЕРА».

Фантомная боль. Идентичная реальной. Я читал эти слова и не мог поверить — не потому что они были нелогичными, а потому что они были слишком логичными. Мы соединили наши нервные системы в единую сеть. Мы стёрли границу между её телом и моим. И теперь, когда одно из тел было повреждено, второе реагировало на это повреждение как на своё собственное. Это не было ошибкой Системы. Это было прямым следствием нашего выбора. И именно это делало боль такой... унижительной.

\- \ —

Я уничтожил тварь за три секунды.

Коготь на левой руке активировался быстрее, чем я успел осознать команду. Некротическая энергия запульсировала в нём, превращая лезвие в раскалённый добела полумесяц. Один удар — и щупальца, опутавшие ногу Леры, превратились в студенистую массу. Второй удар — и тело твари, всё ещё скрытое в бетонной щели, раскололось надвое. Третий — контрольный. Голова (или то, что заменяло ей голову) отделилась от туловища и покатилась по полу, оставляя за собой маслянистый след. Тварь дёрнулась в последний раз и затихла.

Лера стояла на одной ноге, опираясь на стену. Она не кричала — она вообще не издала ни звука за всё время атаки. Её лицо было спокойным, почти клиническим — как у хирурга, который наблюдает за операцией. Но я знал, что скрывается за этим спокойствием. Я чувствовал это через сеть: боль — острую, пульсирующую, — но такую слабую по сравнению с моей, что она почти терялась на фоне. Лера отключила болевые рецепторы в зоне ранения. Она не чувствовала почти ничего. Зато чувствовал я.

— Ты кричал, — произнесла она. Её голос был ровным, но в нём была странная интонация. Не упрёк. Не сочувствие. Скорее — анализ. Так, наверное, звучал бы мой собственный голос, если бы я наблюдал за собой со стороны.

— Да, — ответил я, выпрямляясь. Моя нога всё ещё горела, хотя раны на ней не было. Я коснулся бедра — кожа была целой, но мышцы под ней сводило судорогой, как будто они помнили то, чего не переживали. — Твоя рана транслируется через модуль «Омега». Я чувствую её как свою.

— Я знаю. Я почувствовала, как ты почувствовал. — Она шагнула ко мне, прихрамывая на раненую ногу, и положила ладонь на моё бедро — туда, где фантомная боль пульсировала сильнее всего. Её прикосновение было холодным, но странно успокаивающим. — Это... неприятно.

— Неприятно, — повторил я, и мой голос, усиленный некротической модуляцией, прозвучал резче, чем я хотел. — Неприятно — это когда шов чешется. А это... это как если бы меня резали твоим скальпелем, но раны не оставалось. Я чувствую каждое повреждение твоего тела. Каждое. Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю, — ответила она спокойно. — Это значит, что если меня ранят, ты тоже страдаешь. Если меня искалечат, ты почувствуешь каждую сломанную кость. Если меня убьют...

— Я умру от болевого шока, — закончил я за неё. — Даже если на моём теле не будет ни царапины.

Тишина, которая последовала за этими словами, была тяжелее любой боли. Мы стояли в полуразрушенном складе, над телом мёртвой твари, и смотрели друг на друга. Майя и Аякс, которые всё это время были наготове с оружием в руках, медленно опустили стволы. Пульс, который успел атаковать щупальца и теперь вылизывал морду от слизи, подошёл и сел рядом с Лерой, положив голову на её здоровую ногу. Я чувствовал его беспокойство через паразитическую сеть — слабый, но отчётливый сигнал, который говорил: «Стая в опасности. Альфа ранена. Нужно защищать».

— Выходит, — произнёс Аякс, нарушая молчание, — ваша связь работает в обе стороны. Не только преимущества, но и уязвимости.

— Да, — ответил я. — Мы связаны на уровне нервных систем. Модули «Альфа» и «Омега» — это не просто каналы связи. Они — зеркала. Всё, что чувствует одно тело, второе чувствует так же. Без фильтров. Без задержек. Без возможности отключиться.

— Значит, — он почесал подбородок, — если кто-то захочет вывести из строя вас обоих, ему достаточно будет ранить кого-то одного. Лучше всего — Леру. Потому что она более уязвима, чем ты.

— Да, — снова ответил я. — Именно это и значит.

— Плохо, — резюмировал Аякс. — Очень плохо.

Майя, которая всё это время молчала, вдруг шагнула вперёд и опустилась на колени рядом с Лерой. Она осмотрела рану быстро и профессионально — навыки медсестры, которые я вбивал в неё месяцами, не пропали даром.

— Нужно обработать и зашить, — сказала она. — Рана не опасная, но если попадёт инфекция, будет хуже. Лев, ты сможешь? Или...

— Я смогу, — перебил я. Моя правая рука всё ещё дрожала, но я знал, что во время операции тремор исчезнет — клинический режим подавлял все ненужные рефлексy. Я достал из рюкзака скальпель, иглу, кетгутовые нити. — Лера, ложись. Анестезию вводить?

— Нет, — ответила она. — Я отключила рецепторы. Я не чувствую боли. Но ты... — она посмотрела на меня, и в её чёрных глазах было что-то, чего я не видел с момента пробуждения после кататонии, — ты будешь чувствовать каждый стежок.

— Знаю, — сказал я. — Я готов.

Я не был готов. Но это не имело значения.

\\ —

Операция заняла двадцать минут. Я наложил двенадцать швов на рану Леры — аккуратных, ровных, с правильным натяжением нити. Каждый прокол иглы я чувствовал на своём бедре. Каждый стежок, затягивающий края раны, отдавался в моих мышцах тупой, ноющей болью. Это было похоже на то, как если бы я зашивал сам себя — без анестезии, без возможно-

сти отключиться, без права на ошибку. Моя правая рука, которая должна была дрожать, была спокойна. Клинический режим подавил тремор. Но подавить осознание того, что я делаю, он не мог.

Я, Лев Мечников, Некромант, палач, хирург, муж, — я зашивал рану на своей жене и чувствовал каждый стежок как свой собственный. Это было самое интимное, что мы когда-либо переживали. Более интимное, чем свадебный ритуал. Более интимное, чем передача энергии через поцелуй. Более интимное, чем всё, что я мог вообразить. Я был не просто врачом, исцеляющим пациента. Я был организмом, исцеляющим сам себя — через два тела, через две нервные системы, через одну общую боль.

Когда последний шов был наложен, я отложил инструменты и выдохнул. Моё бедро всё ещё ныло, но боль стала тупой, фоновой — такой же, какой она должна была быть у Леры. Я знал, что теперь эта боль будет сопровождать меня несколько дней, пока рана полностью не заживёт. Я буду просыпаться с ней. Буду идти с ней. Буду сражаться с ней. И не смогу ни на секунду забыть, что она — не моя. Что она принадлежит Лере, а я лишь чувствую её эхо.

— Ты закончил, — произнесла Лера, садясь. Она посмотрела на шов — длинный, ровный, пересекающий бедро от внешней стороны к внутренней, — и кивнула. — Хорошая работа. Как всегда.

— Ты можешь включить рецепторы? — спросил я. — Проверить, нет ли повреждения нерва?

— Могу. — Она закрыла глаза, и через нашу связь я почувствовал, как она активирует болевые рецепторы в зоне ранения. Её лицо осталось спокойным, но через модуль «Альфа» я уловил слабый сигнал — тупая, ноющая боль, которая немедленно срезонировала с моей собственной. — Нерв не задёт. Функционирует. Боль... терпимо.

— Терпимо, — повторил я. — Ты не чувствуешь и половины того, что чувствую я. Ты отключаешь рецепторы, когда тебе больно. А я не могу. Я чувствую всё. Каждую твою царапину. Каждый твой ушиб. Каждую...

— Я знаю, — перебила она. Её голос был спокойным, но в нём была сталь. — Ты думаешь, я не понимаю? Я всё понимаю. Но это был мой выбор. Я потребовала эту операцию. Я хотела, чтобы мы стали единым целым. И мы стали. — Она взяла мою правую руку — ту самую, которая всё ещё дрожала, — и прижала к своей груди, туда, где под слоями кожи и шрамов пульсировал насос Стрелка. — Ты чувствуешь мою боль. Но я чувствую твою. Не физическую — эмоциональную. И поверь мне, она ранит сильнее любого когтя.

Я посмотрел на неё. На её лицо — бледное, но решительное. На её глаза — чёрные, глубокие, как омут. На её губы, которые произносили слова, которые я сам должен был сказать. Она была права. Она всегда была права. Я чувствовал её боль, а она чувствовала мою — ту боль, которую я носил в себе месяцами, ту боль, которая заставляла меня пытаться врагов и называть это эффективностью. Наша связь работала в обе стороны. И если я страдал от её ран, то она страдала от моих — тех, которые были внутри меня, тех, которые не защитить никаким кетгутом.

— Мы справимся, — произнёс я. — Мы всегда справлялись. Мы адаптируемся к этой связи так же, как адаптировались ко всему остальному. Мы найдём способ минимизировать уязвимость. Мы...

— Ты опять говоришь как врач, — перебила она, но на этот раз в её голосе была не сталь, а что-то мягкое. Почти нежное. — Ты анализируешь, рассчитываешь, планируешь. Но эта связь — она не для анализа. Она для того, чтобы чувствовать. Чтобы быть вместе по-настоящему. И если это означает, что мы будем страдать вдвоём... что ж. Это всё равно лучше, чем страдать поодиночке.

Она наклонилась и поцеловала меня. Это не было «некротическим причастием» — она не передавала энергию. Это был просто поцелуй. Человеческий. Тёплый — несмотря на холод её губ. И через нашу связь я почувствовал то, что она чувствовала: нежность, смешанную с болью. Любовь, смешанную со страхом. И уверенность. Абсолютную, непоколебимую уверенность в том, что мы справимся. Со всем. С «Прометеем». С «Бионикой». С будущим, которое было неопределённым, но полным возможностей.

\-\' —

Ночь мы провели в том же складе. Лера спала на моём плече — её дыхание было ровным, размеренным, синхронизированным с ритмом насоса Стрелка. Я не спал. Не потому что не мог (режим пониженной активности всё ещё работал), а потому что не хотел. Мне нужно было подумать. Проанализировать. Понять.

Я сидел у бочки с догорающим огнём и прокручивал в голове дневное событие. Сталкер. Рана. Трансляция боли. Всё это не было случайностью. Всё это было следствием нашего выбора. Мы хотели стать единым целым — и стали им. Мы хотели устранить уязвимость — и умножили её вдвое. Ирония судьбы — или, возможно, просто закономерность. Каждое преимущество имеет цену. За силу нужно платить.

Пульс подошёл и сел рядом, положив голову на мои колени. Его жёлтые глаза смотрели на меня с выражением, которое я мог бы назвать сочувствием. Или, может быть, просто отражением моего собственного состояния. Я погладил его по голове.

— Мы стали сильнее, — сказал я ему, хотя знал, что он не поймёт слов, но поймёт интонацию. — Но и уязвимее. Если один из нас будет тяжело ранен, второй выйдет из строя. Если один умрёт... второй, возможно, тоже не выживет. Это не преимущество. Это симметричный риск.

Пульс тихо заскулил и лизнул мою руку. Его шершавый язык был горячим — в его жилах текла кровь, а не ихор, — и это тепло напомнило мне о том, ради чего мы всё это делаем. Не ради эффективности. Не ради тактики. Не ради победы над «Бионикой». А ради того, чтобы быть вместе. Чтобы защищать друг друга. Чтобы выжить — не поодиночке, а как стая. Как семья. Как Улей.

— Ты прав, — произнёс я, отвечая на его молчаливую поддержку. — Это не слабость. Это... новый уровень. Мы просто ещё не научились использовать его.

Я посмотрел на спящую Леру. Её лицо было умиротворённым — таким же, как в первые дни после нашей встречи, до всего этого кошмара. Тогда она была просто медсестрой — испуганной, но решительной. Теперь она была хищницей. Симбиотом. Половиной Улья. Но где-то глубоко внутри, под слоями имплантов и некротической энергии, всё ещё сохранялась та Лера. Моя Лера. Та, которая смеялась в морге. Та, которая училась накладывать швы. Та, которая целовала мои окровавленные пальцы и называла это человеческим.

И я должен был защитить её. От врагов. От боли. От самого себя. Даже если эта защита будет причинять мне боль. Даже если я буду чувствовать каждую её рану как свою. Даже если в конце концов это убьёт меня.

Потому что без неё я — не врач. Не Некромант. Не человек. Я — просто труп, который забыл остановиться.

\- \ —

Утро пришло серым и влажным. Смог над Пустошью стал гуще обычного — где-то на востоке горели старые нефтяные скважины, затягивая небо грязно-жёлтой пеленой. Мы собрали лагерь быстро и эффективно — движения были синхронизированы, как всегда после операции. Но теперь между нами появилось что-то новое. Не напряжение — скорее, осознание. Осознание того, что наша связь — это не просто преимущество. Это оружие, которое может быть направлено против нас.

Аякс ждал меня у входа в склад. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на горизонт — туда, где в дымке угадывались очертания промышленной зоны, ведущей к «Прометею». Его лицо, грубое и обветренное, не выражало эмоций, но я чувствовал его состояние через сеть: напряжение, сосредоточенность, лёгкая тревога. За месяцы, проведённые вместе, я научился читать его настроение почти так же хорошо, как настроение Леры.

— Нам нужно поговорить, — произнёс он, не оборачиваясь.

— О чём?

— О вчерашнем. — Он повернулся ко мне. Его глаза, тёмные и усталые, смотрели прямо в мои. — О том, что случилось с тобой и Лерой.

— Ты всё видел. Тварь напала, ранила её, я почувствовал боль. Что ещё нужно обсуждать?

— Нужно обсуждать тактику, — отрезал Аякс. — Я не врач. Я не понимаю всей вашей медицинской терминологии. Но я солдат. И я понимаю тактику. Вы с Лерой теперь связаны так, что рана одного выводит из строя обоих. Вчера это была просто царапина. Сегодня это может быть укус мутанта. Завтра — пуля снайпера «Бионикой». И если Леру ранят серьёзно, ты ляжешь рядом с ней. А если ляжешь ты, мы останемся без командира, без хирурга, без Некроманта. Ты понимаешь, что это значит для всей группы?

— Понимаю. — Я подошёл к нему и встал рядом, глядя на тот же горизонт. — Ты хочешь сказать, что теперь мы — самое уязвимое звено в отряде.

— Я хочу сказать, что теперь вы — наша главная цель, — поправил он. — Раньше враги охотились на тебя, потому что ты был лидером. Теперь они будут охотиться на Леру, потому что через неё можно вывести из строя вас обоих. Это меняет всё. Расстановку сил. Тактику боя. Приоритеты защиты.

— И что ты предлагаешь?

— Я предлагаю пересмотреть ваши роли в бою. — Аякс развернул тактическую карту на ближайшей бетонной плите. Карандашом, который он всегда носил с собой, он начал чертить схему. — Раньше вы сражались вместе, плечом к плечу. Так было эффективно: вы прикрывали друг друга, координировали атаки, использовали связь для синхронизации. Но теперь это слишком рискованно. Если вы оба будете на передовой, любой шальной удар по Лере выведет из строя и тебя. Поэтому Лера должна уйти с передовой.

— Ты хочешь, чтобы она была в тылу?

— Я хочу, чтобы она была в безопасности, — жёстко ответил он. — Лера — снайпер. Она умеет стрелять. Её нейро-спинальный комплекс даёт ей преимущество в скорости реакции и точности. Если она займёт позицию на возвышении, она сможет прикрывать нас огнём, не подставляясь под удар. А ты — ты будешь на передовой, как обычно, но теперь ты будешь не атакующим, а танком. Ты будешь принимать на себя весь урон. Потому что ты можешь регенерировать, а она — нет.

Я смотрел на схему, и в моей голове крутились цифры, проценты, сценарии. То, что предлагал Аякс, было логично. Более чем логично. Это было единственно возможным решением в сложившейся ситуации. Лера действительно была самым уязвимым звеном — не потому что она была слабее, а потому что её ранение имело удвоенный эффект. Если я буду прикрывать её ценой собственных ран, это сохранит боеспособность Улья в целом. Мои раны заживали быстрее. Моя регенерация работала на полную мощность. Я был спроектирован для того, чтобы принимать урон и продолжать функционировать.

Но одна мысль не давала мне покоя.

— Ты говоришь о ней как о ресурсе, — произнёс я. — Как о снайперской винтовке, которую нужно беречь. Но она — человек.

— Она — боец, — возразил Аякс. — И как любой боец, она должна использоваться там, где она наиболее эффективна и наименее уязвима. Это не вопрос человечности. Это вопрос тактики. Ты сам учил меня этому. Помнишь? «Функционируй эффективно. Не рискуй без необходимости. Используй ресурсы рационально».

— Это было до того, как ресурсом стала моя жена.

Аякс долго смотрел на меня. Затем медленно кивнул.

— Понимаю. Но именно потому что она твоя жена, ты должен беречь её. Не бросаться с ней в атаку. Не рисковать ею. Ты должен быть её щитом — в буквальном смысле. А она должна быть твоим глазом. Твоим прикрытием. Твоей поддержкой. Разве не в этом смысл вашей связи?

Вы — одно целое. Так действуйте как одно целое. Но пусть каждая часть этого целого делает то, что у неё получается лучше.

Я молчал. Слова Аякса были жестокими, но справедливыми. Как всегда. За месяцы, что мы воевали вместе, он ни разу не ошибся в тактических оценках. И сейчас он не ошибался. Мы действительно должны были перестроить нашу боевую тактику с учётом новой уязвимости. Лера действительно должна была стать снайпером, а я — щитом. Это было не принижением её роли. Это было оптимизацией.

— Я должен обсудить это с ней, — сказал я наконец.

— Конечно. Но я уже знаю, что она ответит.

— И что же?

— Она скажет то же, что и всегда. «Я не прячусь. Я не слабая. Я могу сражаться». — Аякс слабо усмехнулся своей грубой, солдатской усмешкой. — Она упрямая. Как и ты.

\-\ —

Лера действительно ответила именно так.

— Я не прячусь! — её голос звенел от гнева. Мы стояли за складом, вдали от остальных, и она смотрела на меня с выражением, которое я слишком хорошо знал. Так она смотрела, когда я предлагал ей остаться в бункере, а сам шёл на опасную вылазку. Так она смотрела, когда я пытался оградить её от участия в сложных операциях. Так она смотрела всегда, когда я, сам того не замечая, относился к ней как к слабой. — Я не инвалид! Я не балласт! Я — боец, и я доказала это сотни раз!

— Я знаю. — Мой голос был спокойным, но я чувствовал, как внутри нарастает напряжение. Её гнев транслировался через сеть, и он резонировал с моим собственным гневом — не на неё, а на ситуацию. — Но вчера ты получила лёгкую рану, и я вышел из строя на несколько минут. Если бы тварей было больше, я не смог бы защитить ни тебя, ни себя. Ты понимаешь это?

— Понимаю. — Она скрестила руки на груди — жест, который я знал сотни раз. — Но это не значит, что я должна прятаться в тылу как трус!

— Это не трусость. Это тактика. — Я шагнул к ней. — Аякс прав. Если ты будешь снайпером на возвышении, ты сможешь контролировать поле боя, не подставляясь под удар. Твои рефлексы быстрее моих. Твоя точность выше. Ты сможешь снимать врагов одного за другим, пока я буду отвлекать их на себя. Это не слабость. Это эффективность. Ты станешь нашим глазом. Нашим прицелом. Нашим ангелом-хранителем.

— А ты станешь живой мишенью, — отрезала она. — Ты будешь стоять под огнём и принимать на себя удары, которые должны были достаться мне. Ты будешь истекать ихором, а я буду сидеть на холме и смотреть на это через оптический прицел. Ты понимаешь, каково это — видеть, как тебя ранят, и не иметь возможности помочь? Я прошла через это в лесу,

когда ты пытал «Чистого». Я лежала в кататонии и смотрела, как ты умираешь, отдавая мне энергию. Я больше не хочу этого!

Её голос сорвался на крик, и я почувствовал через сеть то, что она чувствовала. Это был не просто гнев. Это был страх. Тот самый страх, который она прятала за холодной, хищной внешностью. Страх потерять меня. Страх снова оказаться беспомощной. Страх, который был таким же реальным, как её рана на бедре, и который так же транслировался в моё сознание.

— Я понимаю, — тихо сказал я. — Я тоже боюсь. Каждый раз, когда тебя ранят, я чувствую это. И не только физически. Я чувствую твой страх. Твою боль. Твою ярость. Всё, что чувствуешь ты, чувствую и я. Это цена нашей связи. Но именно эта связь делает нас сильнее. Если ты будешь снайпером, а я — щитом, мы будем функционировать как единый организм. Ты будешь моими глазами, а я — твоей бронёй. Мы не разделимся. Мы просто... перераспределим роли.

Лера долго смотрела на меня. Её чёрные глаза — те самые, которые были такими холодными после кататонии, а теперь горели сдерживаемым гневом, — постепенно смягчались. Она всё ещё злилась, но теперь к злости примешивалось что-то ещё. Принятие? Понимание? Или просто усталость от спора, который она знала, что проиграет?

— Хорошо, — произнесла она наконец. Её голос был спокойным, но в нём была сталь. — Я согласна попробовать. Но с одним условием.

— Каким?

— Если тебя тяжело ранят — по-настоящему тяжело, — я не буду сидеть и смотреть. Я спущусь с холма и приду к тебе. Не как снайпер. Как жена. Как пара. И ты не остановишь меня.

— Не останавливаю, — пообещал я.

— Тогда договорились. — Она протянула мне руку — ту самую, со шрамом от свадебного надреза. Я взял её, и наши ладони сомкнулись. Через прикосновение поток данных между модулями «Альфа» и «Омега» усилился, и я почувствовал то, что она чувствовала в этот момент: облегчение, смешанное с тревогой. Решимость, смешанную со страхом. Любовь — ту самую, которую она выражала не словами, а действиями.

— Мы справимся, — сказал я.

— Мы всегда справляемся, — ответила она.

\- \ —

Мы тренировались весь следующий день.

Аякс нашёл подходящее место — развалины многоэтажного паркинга на окраине промышленной зоны. Отсюда открывался отличный обзор на несколько километров вокруг: заброшенные заводы, склады, пустыри, заросшие мутировавшей растительностью. Лера заняла позицию на верхнем уровне паркинга — там, где уцелевшие бетонные колонны давали укрытие от возможного огня, а проломы в стенах служили отличными амбразурами. Я остался внизу,

на земле, вместе с Пульсом и двумя конструктами-Санитарами (Бегуна мы потеряли, но двое других, собранных из тел погибших солдат «Бионикой», были ещё функциональны).

Майя и Аякс играли роль врагов. Они использовали учебные боеприпасы (которые Аякс тщательно берёт для тренировок) и двигались по территории паркинга, изображая патруль мутантов. Их задача была — пробраться ко мне и поразить меня условным огнём. Моя задача была — не дать им этого сделать. Задача Леры была — «снять» их до того, как они приблизятся.

Первая попытка провалилась.

Лера открыла огонь слишком рано. Её выстрел поразил Майю (учебной пулей, разумеется) в плечо — хороший, точный выстрел, — но в тот же миг я отвлёкся на вспышку боли, которую почувствовал через связь. Не реальной боли — рана была учебной, — но той самой фантомной, которую транслировала сеть. Мой мозг на долю секунды «увидел» попадание, «почувствовал» удар пули, и за эту долю секунды Аякс обошёл меня с фланга и условно «застрелил» в упор.

— Плохо! — рявкнул Аякс, выходя из укрытия. — Ты отвлёкся! На что?

— На боль, — ответил я. — Я почувствовал выстрел Леры как свой. Это была фантомная боль, но она всё равно дезориентировала меня.

— Значит, нужно научиться игнорировать её. — Аякс посмотрел на Леру, которая спускалась с верхнего уровня. — И тебе нужно научиться стрелять без предупреждения. Он не должен знать, когда ты стреляешь. Он должен чувствовать только результат — когда цель уже поражена. Иначе ты будешь не поддержкой, а помехой.

— Я поняла, — кивнула Лера. В её голосе не было обиды. Только анализ. Только холодная, клиническая оценка собственных ошибок.

Вторая попытка была лучше.

Лера открыла огонь позже, когда Аякс и Майя были ближе ко мне. Её первый выстрел поразил Аякса в грудь — «смертельное» ранение, учебная пуля оставила красную отметину на его бронежилете. Я почувствовал этот выстрел через связь — всё ту же фантомную боль, — но теперь я был готов к ней. Я сжал зубы и продолжил движение, не отвлекаясь. Лера «сняла» Майю вторым выстрелом, а затем перевела огонь на движущиеся мишени, которые мы расставили вокруг паркинга. К концу тренировки я не получил ни одного «ранения», а Лера поразила все цели.

— Лучше, — резюмировал Аякс. — Но недостаточно. В реальном бою всё будет быстрее. И больнее. Он, — он указал на меня, — должен привыкнуть к фантомной боли настолько, чтобы не замечать её. А ты, — он указал на Леру, — должна научиться стрелять так, чтобы он не предугадывал твои выстрелы. Вы — одно целое, так используйте это. Пусть твои выстрелы будут для него такой же неожиданностью, как для врагов.

Мы тренировались до заката. Лера стреляла, я уклонялся, Майя и Аякс снова и снова играли роли врагов. С каждой попыткой наша синхронизация становилась лучше. Я учился отфильтровывать фантомную боль, воспринимая её не как угрозу, а как информацию — «цель

поражена, противник нейтрализован». Лера училась сжимать эмоциональный фон выстрела в минимальный импульс, который не отвлекал меня, а лишь информировал. Мы были как музыканты, настраивающие инструменты перед концертом. Мы были как два полушария одного мозга, которые наконец учились работать вместе.

И где-то на пятом часу тренировок случилось то, что я позже назвал «пробуждением Улья». Я бежал по открытому пространству паркинга — учебные мишени вспыхивали вокруг меня, имитируя атаку мутантов. Я не знал, где они появятся. Я не знал, куда мне двигаться. Но Лера знала. И через нашу связь она направляла меня — не словами, а импульсами, образами, интуитивными толчками. Я поворачивал налево за секунду до того, как там появлялась мишень. Я уклонялся от выстрела, который ещё не прозвучал. Я действовал не на основе своих сенсоров, а на основе её — её глаз, её реакции, её расчётов.

И это работало. Абсолютно, пугающе, великолепно работало.

— Стоп! — крикнул Аякс, когда последняя мишень упала. Он подошёл ко мне, тяжело дыша (в отличие от меня, он всё ещё нуждался в кислороде). — Что это было? Ты двигался так, как будто видел всё вокруг. Как будто у тебя глаза на затылке.

— У меня глаза на крыше, — ответил я, указывая на Леру, которая спускалась с верхнего уровня паркинга. — Она видела всё поле боя и направляла меня через связь. Я не думал, куда бежать. Я просто бежал. А она думала за нас обоих.

Аякс долго смотрел на меня. Затем перевёл взгляд на Леру. И в его глазах было что-то, что я редко видел — уважение, смешанное с благоговейным ужасом. Так солдат смотрит на оружие, которое он не до конца понимает, но которое уже доказало свою эффективность.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Теперь вы — оружие. Настоящее оружие.

\-\\ —

На следующий день мы проверили это в реальном бою.

Мы вышли к сектору одиннадцать-бета — бывшей военной базе, которая теперь была ничьей территорией. Здесь гнездилась стая «костоломов» — мутантов с бронированными черепами, способными пробивать бетонные стены. Они не были разумными, но были опасными — их стая насчитывала около дюжины особей, и они охраняли свою территорию с тупой, животной яростью.

Аякс предложил обойти базу. Я решил проверить нашу новую тактику в реальном бою.

Лера заняла позицию на водонапорной башне в двухстах метрах от базы. Я вошёл в ворота базы один (Пульс и конструкты остались в резерве). Майя и Аякс прикрывали фланги, но их основной задачей было наблюдение. Главным действующим лицом был я — живая приманка, магнит для атак, щит, который должен был принять на себя всю ярость стаи.

«Костоломы» атаковали через тридцать секунд после того, как я пересёк периметр.

Их было восемь — больше, чем мы ожидали. Они выскочили из руин казармы и бросились на меня, лязгая костяными наростами, которые заменяли им когти. Их рёв был оглушительным — низкочастотный, резонирующий, способный вызвать панику у неподготовленного человека. Но я не был человеком. Я был Некромантом. Я был Ульем. И я был готов.

Первого я встретил когтем. Мой левый клинок рассёк его бронированный череп, как консервную банку, и брызнул ихором на бетон. Второго я отбросил ударом плаща — того самого, который когда-то служил носилками для Леры, а теперь был усилен хитиновыми вставками. Третий обошёл меня с фланга — и тут же упал с пульей в глазу. Лера. Четвёртый попытался атаковать меня сзади — и тоже упал. Пятый. Шестой.

Я чувствовал каждый выстрел Леры через связь. Не как боль — теперь я научился иначе интерпретировать эти сигналы. Каждый выстрел был как удар сердца — короткий, резкий импульс, который сообщал: «Цель поражена. Продолжай движение». Я больше не вздрагивал от фантомной боли. Я использовал её как тактическую информацию. И это работало.

Седьмой «костолом» всё же достал меня. Его коготь рассёк моё правое плечо — глубоко, до кости. Я почувствовал боль — реальную, свою собственную, не фантомную, — и она смешалась с болью Леры, которая через сеть почувствовала моё ранение. На мгновение наша связь превратилась в замкнутый круг: её боль от моей боли наложилась на мою боль от её боли, и этот резонанс усилил ощущения до невыносимого уровня.

Я закричал. Лера, на своей башне, тоже закричала. Это был синхронный крик — два голоса, слившиеся в один, — и он прозвучал так неестественно, что «костоломы» на мгновение замерли.

Этого мгновения хватило. Я активировал все резервы паразитической сети. Ихор запульсировал в сосудах с утроенной скоростью. Модуль «Омега» перенаправил энергию в мышцы, и я стал быстрее — намного быстрее, чем раньше. За долю секунды я рассёк когтем ещё двоих «костоломов» и добил восьмого ударом в основание черепа. Последний попытался бежать, но пуля Леры настигла его на бегу — точный выстрел в позвоночник, между хитиновыми пластинами.

Бой закончился. Я стоял посреди базы, тяжело дыша (рефлекторно — мои лёгкие не нуждались в кислороде), и смотрел на поле боя. Восемь мёртвых «костоломов». Одна рана на моём плече. Ни одной царапины на Лере. Ни одной потери среди наших.

— Ты ранен, — произнесла Лера, спускаясь с башни. Она подошла ко мне и коснулась плеча — туда, где из раны сочился ихор. Её пальцы были холодными, но прикосновение было осторожным, почти нежным. — Я чувствовала это. Боль. Твою и свою. Она смешалась, и я...

— Ты закричала, — закончил я за неё. — Я знаю. Я тоже.

— Это был болевой резонанс, — тихо произнесла она. — Когда нас ранят одновременно — тебя физически, а меня через связь, — боль удваивается. Отражается от одного к другому и обратно. Это... опасно.

— Но мы справились. — Я положил свою правую руку поверх её ладони, всё ещё лежащей на моём плече. — Мы адаптировались. Мы научились использовать связь, а не бороться с ней.

Твои выстрелы больше не дезориентируют меня. Мои раны больше не парализуют тебя. Мы функционируем. Как единый организм. Как Улей.

— Восемь целей, — произнёс Аякс, подходя к нам. Он осмотрел поле боя с выражением, которое я мог бы назвать профессиональным удовлетворением. — Ты убил четверых. Лера — четверых. Ни одного промаха. Ни одной потери. Это лучший результат из всех, что я видел.

— Это не я и не она, — ответил я. — Это мы. Вместе. Улей.

Аякс кивнул. Он всё ещё не до конца понимал, что мы такое, но он принимал это. Как солдат, он видел результат. А результат был впечатляющим.

\- \ —

Вечером мы снова сидели у костра. Того самого костра, который развели в бывшей казарме военной базы — теперь очищенной от мутантов и безопасной для ночлега. Майя обрабатывала мою рану (хотя она уже начала затягиваться благодаря регенерации), а Лера сидела рядом и смотрела на огонь. Её лицо было спокойным, но я знал, что внутри неё происходит сложная работа — анализ, оценка, переосмысление всего, что случилось за день.

— Знаешь, — произнесла она наконец, — когда я потребовала имплантировать мне ядро улья, я думала только об одном: о силе. О том, чтобы стать сильнее настолько, чтобы никто больше не мог сломать меня. Чтобы я больше никогда не была обузой. Чтобы я могла защищать тебя так же, как ты защищал меня.

— И ты стала сильнее, — ответил я. — Намного сильнее.

— Да. Но я стала и уязвимее. — Она повернулась ко мне, и в её чёрных глазах отражался свет костра. — Сегодня, когда ты был ранен, я не просто почувствовала твою боль. Я почувствовала твой страх. Твою ярость. Твою решимость. Всё, что ты чувствовал в бою, прошло через меня. И это было... ошеломляюще. Раньше я сражалась одна, даже когда мы были рядом. Теперь я сражаюсь как часть тебя. И это не просто изменение тактики. Это изменение сущности.

— Ты жалеешь? — спросил я. Этот вопрос висел между нами с момента операции, но я не решался задать его. Теперь он прозвучал сам собой.

— Нет, — твёрдо ответила она. — Я не жалею. Потому что теперь я знаю точно: что бы ни случилось, мы встретим это вместе. Твоя боль — это моя боль. Твоя победа — это моя победа. Твой страх — это мой страх. Но и моя решимость — это твоя решимость. И пока мы вместе, нас не сломать. Ни поодиночке. Ни вместе. Мы — Улей. И мы функционируем.

— Функционируем, — согласился я.

Я взял её руку и прижал к своей груди — туда, где под слоями шрамов, хитиновых пластин и импланта «Омега» пульсировали два моих сердца. Через прикосновение я почувствовал её сердце — то самое, которое когда-то было только её, а теперь стало частью нашей общей сети. Три сердца. Один ритм. Один Улей.

И это было правильно.

Пульс подошёл и сел рядом с нами. Его жёлтые глаза смотрели на огонь, но я знал, что он прислушивается — не к звукам, а к сигналам нашей сети. Его собственное сердце (точнее, три его сердца) бились в унисон с нашим ритмом, как будто он тоже был частью Улья. Что, в сущности, так и было. Он был создан моими руками. Он был подключён к паразитической сети. Он был частью стаи. Частью семьи.

Где-то на востоке, за сотни километров отсюда, ждал «Прометей». Финальная битва. Последний рубеж. Но сейчас это было неважно. Сейчас важны были только мы — четверо у костра, в разрушенной казарме посреди Пустоши. Мы, стая, семья, Улей. Мы, которые прошли через боль, потери, кататонию, операции, смерть — и всё ещё функционировали. Всё ещё жили. Всё ещё были вместе.

Завтра нас ждал новый день. Новые бои. Новые испытания. Но я знал, что мы готовы. Потому что теперь мы были не просто группой выживших. Мы были единым организмом, распределённым между несколькими телами. И пока бились наши сердца — все наши сердца, человеческие и некро-механические, — мы были непобедимы.

\-\' —

Конец сорок первой главы

Глава 2: Осада «Мёртвого города»

Хирургия учит нас, что массовая травма отличается от индивидуальной не количественно, а качественно. Когда раненых — сотни, сортировка становится не медицинской процедурой, а философским упражнением. Кого спасать первым? Того, у кого больше шансов выжить? Или того, кто важнее для выживания группы? В ординатуре нас учили: спасай по степени тяжести. В реальном мире — в мире, где я стал Некромантом, а моя жена превратилась в половину единого организма, — я понял: спасай тех, кто может спасти других. Это не этика. Это математика войны.

И эта математика привела нас в «Мёртвый город».

— — Часть 1: Предвестие бури

Мы стояли на границе разрушенного мегаполиса, и я чувствовал запах гниющей плоти. Не той, что разлагается в Пустоши после боя — этот запах я знал слишком хорошо, он стал для меня почти привычным, почти родным, — а другой. Более старый. Более концентрированный. Запах города, который умер не вчера и не месяц назад, а в первые дни катастрофы, когда вирус «Гнев Божий» вырвался из лабораторий «Бионикой» и за несколько недель превратил цветущий мегаполис в братскую могилу на несколько миллионов тел.

Теперь эти тела — или то, во что они превратились, — лежали под завалами, в запечатанных квартирах, в затопленных тоннелях метро. Они больше не представляли биологической опасности — вирус давно отпировал и ушёл, оставив после себя только пустые оболочки. Но они источали этот запах. Вечный, неизбывный, как напоминание о том, что мир, который мы знали, закончился.

«Мёртвый город». Так мы назвали его на тактической карте. Официально он когда-то назывался Новосибирском — одним из последних оплотов цивилизации за Уралом, местом, куда эвакуировали выживших из европейской части континента. Но эвакуация не помогла. Вирус добрался и сюда. И теперь от города остались только остовы небоскрёбов, торчащие из серого смога, как рёбра мертвеца из разложившейся грудной клетки.

— Красиво, — произнесла Лера, стоя рядом со мной на возвышении. В её голосе была ирония — та самая, которую я не слышал со времён свадьбы в морге. — В извращённом, патологоанатомическом смысле.

— Ты читаешь мои мысли, — ответил я. И это не было метафорой. Через модули «Альфа» и «Омега» её сознание действительно улавливало мои образы. Она видела рёбра мертвеца, которые видел я. Она чувствовала запах гниющей плоти, который чувствовал я. Мы были единым организмом, разделённым на два тела, и «Мёртвый город» расстился перед нами как операционный стол, на котором лежал пациент, ожидающий вскрытия.

Лера слабо улыбнулась и взяла меня за руку. Её пальцы — холодные, как всегда, но живые, сильные, — сжали мою ладонь. Через прикосновение поток данных между нашими модулями усилился, и я почувствовал то, что чувствовала она. Не страх. Не тревогу. А холодную, расчётливую готовность. Ту самую готовность, с которой хищник выходит на охоту.

— Ты чувствуешь их? — спросила она.

Я закрыл глаза и расширил восприятие. Паразитическая сеть, усиленная модулем «Омега», улавливала биосигналы в радиусе нескольких километров. И сейчас эти сигналы были повсюду. Сотни тепловых сигнатур. Сотни сердечных ритмов. Сотни дыхательных циклов, синхронизированных в странном, неестественном унисоне, как будто все эти люди — или не люди — дышали по команде.

Они ждали нас. Они знали, что мы придём.

— Триста, — произнёс я, открывая глаза. — Плюс-минус двадцать. Система насчитала триста двенадцать индивидуальных сигнатур.

— Триста двенадцать, — повторила Лера. — Против нас четверых. И Пульса. И двух конструкторов.

— Ты забыла про Майю и Аякса. Нас пятеро.

— Я не забыла. Я не считаю их. Они — не Улей.

Я посмотрел на неё. В её чёрных глазах — тех самых, которые стали такими после имплантации модуля «Альфа», — не было ни жестокости, ни холода. Только констатация факта. Майя и Аякс были бойцами. Хорошими бойцами. Но они не были частью нас. Они не чувствовали того, что чувствовали мы. Они не могли синхронизировать свои действия с точностью до миллисекунды. Они были... людьми. А люди в этой войне становились расходным материалом.

— Мы должны защитить их, — сказал я.

— Мы защитим, — согласилась она. — Но сначала мы должны уничтожить тех, кто ждёт нас в городе. Всех до единого.

Она повернулась и пошла вниз по склону холма — туда, где Аякс разворачивал тактическую карту на обломке бетонной плиты. Я последовал за ней. Наши шаги были синхронизированы — не потому что мы старались, а потому что мы больше не были разделены. Один разум в двух телах. Одна воля. Одна цель.

— —

Аякс ждал нас у карты. Его лицо, грубое и обветренное, не выражало эмоций, но я чувствовал его состояние через сеть: напряжение, сосредоточенность, лёгкая тревога, которую он маскировал под профессионализм. Рядом с ним стояла Майя, проверявшая оружие — её движения были точными, выверенными, как у опытного солдата. За месяцы, проведённые в Пустоши, она превратилась из испуганной медсестры в настоящего бойца. Я видел это через её мышечный тонус, через её сердечный ритм, через отсутствие той дрожи в руках, которая была у неё в первые дни после нашего знакомства.

Пульс лежал у импровизированного стола, положив голову на лапы. Его жёлтые глаза сканировали периметр с настороженностью, которая вошла в привычку за месяцы боёв. Через паразитическую сеть я чувствовал его состояние: лёгкое беспокойство, но без острой тревоги. Он чуял врагов за стенами города, но не воспринимал их как непосредственную угрозу. Пока.

Два Санитара — всё, что осталось от моей армии конструкторов, — стояли в стороне. Их оптические сенсоры горели ровным зелёным светом. Их некро-механические насосы пульсировали в грудных клетках, перегоняя ихор по синтетическим сосудам. Они были готовы к бою — насколько вообще могут быть готовы машины, лишённые страха и самосознания.

— Триста, — произнёс Аякс, глядя на карту. — Это не бой. Это мясорубка.

— Согласен, — ответил я. — Но обход города займёт недели. У нас нет недель.

— Почему?

Я развернул интерфейс Системы и вывел данные на тактическую карту. Схема города окрасилась в красные, жёлтые и зелёные зоны — концентрация вражеских сил, маршруты патрулей, возможные огневые точки.

— Биохакеры, — произнёс я. — Система классифицировала их именно так. Это не просто солдаты «Бионикой». Это бывшие учёные, программисты, инженеры корпорации. Они научились использовать баги Системы для создания оружия. И они ждут нас.

— Биохакеры? — переспросила Майя. — Это те, что атаковали нас трижды?

— Да. Первый раз — одиночка в секторе семь-дельта. Он пытался отключить мою паразитическую сеть через баг «переполнения буфера». Я убил его, но едва успел.

— Вторая встреча была хуже, — добавила Лера. — Пятеро хакеров устроили засаду. Они создали «петлю ошибки» — Система Льва зависла на четыре секунды, а моя — на семь. Пульс получил ранение, которое заживало неделю. Если бы не Аякс, нас бы убили.

— Третья атака была массовой, — продолжил я. — Двадцать хакеров с «краш-оружием». Импланты, которые вызывают критический сбой Системы при активации. Мы потеряли Бегуна и едва отступили. Теперь их триста.

Аякс почесал подбородок — привычка, которую он приобрёл за месяцы нашей совместной службы.

— Триста, — повторил он. — И они используют баги Системы. Это значит, что любое наше преимущество — твоя паразитическая сеть, ваша связь с Лерой, даже простые импланты — может стать уязвимостью. Они могут отключить тебя на несколько секунд. Или заставить твоих конструкторов атаковать нас.

— Именно поэтому мы должны разработать тактику, которая минимизирует их преимущество.

Я склонился над картой и начал чертить схему. Карандаш — обычный, аналоговый, не подключённый к Системе, потому что любой цифровой интерфейс мог быть взломан, — оставлял на бумаге чёткие линии.

— Лера займёт позицию здесь. — Я указал на высотное здание на границе города, всё ещё сохранившее верхние этажи. — Это бывший деловой центр. С сорокового этажа открывается обзор на весь центр города. Она будет нашим глазом. Нашим прицелом.

— А ты? — спросила Лера. Её голос был спокойным, но через связь я чувствовал её напряжение. Она уже знала, что я скажу, и ей это не нравилось.

— Я войду в город через центральную магистраль. — Мой карандаш провёл жирную линию от границы города к площади в центре. — Как основная боевая единица. Как приманка.

— Как живая мишень, — отрезала Лера. — Ты будешь стоять под огнём трёхсот хакеров, вооружённых баг-оружием. Ты с ума сошёл?

— Я — Некромант, — ответил я. — Я создан для этого. Моя регенерация быстрее, чем у любого из вас. Мои хитиновые пластины выдерживают прямые попадания из крупного калибра. Если они будут стрелять по мне, они не будут стрелять по вам.

— А ты? — тихо спросила Майя. — Кто будет защищать тебя?

— Лера. — Я посмотрел на жену. — Каждый выстрел, который она сделает, я почувствую через связь. Каждую цель, которую она снимет, я увижу её глазами. Мы будем работать как единый организм. Я — тело, она — глаза и руки. Мы — Улей.

Лера долго молчала. Я чувствовал, как в её сознании происходит сложная работа — анализ рисков, оценка вероятностей, перебор альтернатив. Затем она медленно кивнула.

— Хорошо. Но если тебя тяжело ранят — по-настоящему тяжело, — я спущусь с башни и приду к тебе. И ты не остановишь меня.

— Не остановлю.

Аякс, который всё это время молча наблюдал за нами, хмыкнул.

— Значит, роли распределены. Лера наверху, ты внизу. А мы с Майей что? Зрители?

— Вы — резерв, — ответил я. — Если биохакеры попытаются обойти меня с флангов или зайти в тыл Лере, вы остановите их. Кроме того, Майя — медик. Если кого-то ранят, она окажет первую помощь.

— А если ранят её? — спросил Аякс.

— Тогда ты поможешь ей. Или я. Или Лера. Мы — стая. Мы не бросаем своих.

Аякс долго смотрел на меня. Его глаза, тёмные и усталые, были полны того, что я мог бы назвать уважением. Затем он кивнул.

— Принято. Когда начинаем?

— На рассвете.

— —

Ночь перед боем мы провели в разрушенном торговом центре на границе города. Место было выбрано не случайно: здесь, среди обрушившихся эскалаторов и разграбленных витрин, мы были защищены от теплового сканирования толстыми бетонными стенами. Биохакеры не знали, где именно мы находимся — пока.

Я сидел у маленького костра, разведённого в жестяной бочке, и смотрел на Леру. Она спала на импровизированной постели из армейских одеял. Вернее, находилась в режиме пониженной активности — её нейро-спинальный комплекс (теперь заменённый модулем «Альфа») контролировал циклы сна, принудительно отключая сознание на заданные промежутки времени. Четыре часа. Ровно столько, сколько требовалось её организму для восстановления.

Через связь я чувствовал её сон. Не содержание — содержание снов оставалось приватным даже для Улья, — но состояние. Спокойное. Умиротворённое. Как ни странно, перед боем она спала лучше, чем в обычные ночи. Словно её разум, освобождённый от необходимости принимать решения, наконец мог отдохнуть.

Мне не нужен был сон. Я функционировал на некротической энергии, и мои резервы, хотя и истощённые после недель похода, всё ещё были достаточны для поддержания активности. Я просто сидел и смотрел на неё, и думал.

Завтра мы войдём в «Мёртвый город». Завтра начнётся битва, которая может стать для нас последней. Триста биохакеров — это не просто армия. Это триста человек, каждый из которых способен манипулировать тканью реальности через баги Системы. Если они смогут отключить нашу связь хотя бы на минуту, мы окажемся разделены. А разделённые — уязвимы.

Но был и другой вариант. Более тёмный. Более опасный. Вариант, который я не обсуждал ни с кем, даже с Лерой.

Протокол «Чистый лист».

Когда мы создавали модули «Альфа» и «Омега», Система предупредила о возможности перегрузки. Если подать на оба модуля критический объём некротической энергии одновременно, они аннигилируют. Взрыв, по мощности сопоставимый с тактическим ядерным зарядом, уничтожит всё в радиусе нескольких километров — включая нас самих. Это была наша последняя страховка. Наш *ultima ratio*. Если биохакеры попытаются захватить нас живьём, если станет ясно, что победа невозможна, — я активирую протокол. И мы умрём вместе, унеся с собой столько врагов, сколько сможем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.